

не тотъ, кто непремѣнно съ наибольшимъ совершенствомъ владѣть всѣми сторонами даннаго дѣла, въ этомъ отношеніи онъ можетъ и уступать своимъ сподвижникамъ. Это—тотъ, кто умѣетъ связать отдѣльныя проявленія назрѣвающей новизны съ ея основнымъ принципомъ. Такая-то именно заслуга и должна быть признана за Щепкинымъ въ исторіи русскаго сценическаго реализма.

Выработка естественныхъ *внѣшнихъ* пріемовъ игры составляла необходимое условіе побѣды этого реализма. Но то было лишь средствомъ, а не конечной цѣлью въ данномъ дѣлѣ. И ею вовсе не исчерпывался идеаль Щепкина. Щепкинъ въ своихъ теоретическихъ сужденіяхъ о сценическомъ искусствѣ любопытнымъ образомъ различалъ *актерство* и *художество*.

Подъ *актерствомъ* онъ разумѣлъ *технику* сценическаго изображенія, подъ *художествомъ* онъ разумѣлъ психологическое содержаніе сценическаго творчества. *Художество* опирается на *актерство*, какъ на необходимое внѣшнее средство, и существовать безъ него не можетъ. *Актерство* же можетъ быть и безъ *художества*, только это не будетъ искусство, а лишь предварительная ступень къ нему.¹⁾

Такъ вотъ, согласно такой терминологіи, выработка естественности во внѣшнихъ пріемахъ игры, которую обыкновенно считаютъ основной заслугой Щепкина, являлась съ его точки зрѣнія еще не сущностью *художества*, а только необходимымъ средствомъ къ нему.

Въ чемъ же состояло *художество* Щепкина, т.-е. высшіе принципы его творчества? Для отысканія отвѣта на этотъ вопросъ намъ необходимо тщательно разсмотрѣть основныя стихіи щепкинскаго творчества, и только послѣ этого мы получимъ возможность опредѣлить истинную сущность щепкинскаго реализма.

¹⁾ Я извлекаю это построеніе Щепкина изъ любопытнаго сообщенія одного анонимнаго автора о бесѣдѣ со Щепкинымъ по вопросамъ искусства. См. *Репертуаръ и Пантеонъ* 1842 г., XIII, „Провѣздъ черезъ Орель Щепкина“.